

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)
Москва, 8 февраля 2021 года

Материалы конференции

УДК 316.77:81.27(082)
ББК 88.53:81.001я43
С-483

С-483 «Слово и жест». **Научная конференция**, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2021 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. – 40 с.

Сборник содержит материалы научной конференции «Слово и жест», посвященной памяти Е. А. Гришиной (1958-2016). В центре внимания конференции – обсуждение вопросов мультимодальной коммуникации и жестикуляционной лингвистики, а также смежных проблем.

Оргкомитет конференции
В. А. Плунгян, акад. РАН – председатель
Е. В. Рахилина, д-р филол. наук, в.н.с.
С. О. Савчук, канд. филол. наук, в.н.с.

© Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

- 11:00 – Открытие конференции. Вступительное слово:
11:10 *Екатерина Владимировна Рахилина*
- 11:10 – *Катерина Витальевна Смирнова, Денис Валерьевич*
11:30 *Димитров, Николай Алексеевич Кортаев, Ольга*
Викторовна Федорова (МГУ им. М.В. Ломоносова,
РГГУ)
Взаимодействие мануальных жестов и речевых
сбоев: экспериментальное исследование
- 11:30 – *Мария Андреевна Леутина, Александр Алексеевич*
11:50 *Гагарин, Юлия Владимировна Николаева* (МГУ
им. М.В. Ломоносова)
Проксемное и жестовое поведение в ситуациях
конкуренции и сотрудничества
- 11:50 – *Николай Алексеевич Кортаев* (РГГУ)
12:10 Совместное построение в диалоге: опыт первичной
корпусной разметки
- 12:10 – *Алина Александровна Демина, Юлия Владимировна*
12:30 *Николаева* (МГУ им. М.В. Ломоносова)
Жесты и эмоции: женский и мужской стиль
поведения
- 12:30 – *Ольга Викторовна Федорова*
12:50 (МГУ им. М.В. Ломоносова)
Распределение зрительного внимания человека в
повседневном общении
- 12:50 – *Александра Алексеевна Евдокимова* (Институт
13:10 языкознания РАН)
Ноги и их функции в коммуникации на материале
корпуса RUPEX
- 13:10 – Перерыв
14:00

- 14:00 – *Вера Исааковна Подлеская* (РГГУ)
14:20 Коммуникативно-просодический и грамматический статус авторской ремарки в составе цитационных конструкций
- 14:20 – *Ирина Михайловна Кобозева*
14:40 (МГУ им. М.В. Ломоносова)
Вопросы, которые лингвист, сопоставляющий жестовые номинации по параллельному корпусу, может задать исследователю языка жестов
- 14:40 – *Полина Андреевна Бычкова, Евгения Юрьевна Козюк, Екатерина Владимировна Рахилина, Евгения Александровна Слепак* (НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН)
15:00 «Прагматикон»
- 15:00 – *Светлана Игоревна Переверзева* (НИУ ВШЭ)
15:20 Глубокая разметка Мультимедийного русского корпуса. 2021 год
- 15:20 – *Глория Розовская, Павел Альбицкий, Дарья Демидова, Полина Кудрявцева, Яна Лабенская*
15:40 (НИУ ВШЭ)
Дискурсивные формулы, конструкции и другие звери
- 15:40 – Подведение итогов конференции
16:00

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)

Тезисы докладов

Содержание

<i>П. А. Бычкова, Е. Ю. Козюк, Е. А. Слепак, Е. В. Рахилина.</i> «Прагматикон».....	7
<i>А. А. Демина, Ю. В. Николаева.</i> Жесты и эмоции: женский и мужской стиль поведения	9
<i>А. А. Евдокимова.</i> Ноги и их функции в коммуникации на материале корпуса RUPEX.....	11
<i>И.М. Кобозева.</i> Вопросы, которые лингвист, сопоставляющий жестовые номинации по параллельному корпусу, может задать исследователю языка жестов.....	15
<i>Н. А. Коротаев.</i> Совместное построение в диалоге: опыт первичной корпусной разметки	18
<i>М. А. Леутина, А. А. Гагарин, Ю. В. Николаева.</i> Проксемное и жестовое поведение в ситуациях конкуренции и сотрудничества	22
<i>Подлесская В.И.</i> Коммуникативно-просодический и грамматический статус авторской ремарки в составе цитационных конструкций	25
<i>Розовская Г., Альбицкий П., Демидова Д., Кудрявцева П., Лабенская Я.</i> Дискурсивные формулы, конструкции и другие звери	30
<i>К. В. Смирнова, Д. В. Димитров, Н. А. Коротаев, О. В. Федорова.</i> Взаимодействие мануальных жестов и речевых сбоев: экспериментальное исследование	32
<i>О.В. Федорова.</i> Распределение зрительного внимания человека в повседневном общении	36

«ПРАГМАТИКОН»

П. А. Бычкова, Е. Ю. Козюк, Е. В. Рахилина, Е. А. Слепак

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
polyatomson@gmail.com, rakhilina@gmail.com,
janenikel16@gmail.com*

В докладе предлагается презентация новой версии Базы данных дискурсивных формул русского языка.

В Базе собраны дискурсивные формулы — неоднословные идиоматизированные изолированные предложения, которые могут служить ответными репликами в диалоге, прежде всего, в значении, близком ДА или НЕТ, ср. *Вот еще!*, *Да ну!*, *Не говори*, *То-то и оно!* и под.

Ресурс предназначен для изучающих русский язык инофонов, которым трудно дается освоение некомпозициональных дискурсивных единиц, необходимых в ежедневной коммуникации. Обычно их изучение не входит в основную программу – отчасти из-за отсутствия специально подобранных материалов на эту тему; «Прагматикон» предполагает заполнить эту лакуну.

Новый вариант Базы содержит около 700 дискурсивных формул (не считая вариантов) и отражает не только их классификацию, структурные особенности и иллюстративный материал, в том числе аудио- и видео-, но и их переводные аналоги в других языках. Эта опция ориентирована на носителей крупных языков, изучающих русский (прежде всего, китайского), а также на англоговорящих студентов РКИ.

«Прагматикон» связан с другим, более масштабным, онлайн ресурсом для изучающих русский – «Русским конструктиконом». Эта связь не только историческая (идея «Прагматикона» выросла из работы над «Конструктиконом»), но и техническая: по идее разработчиков,

пользователь сможет переходить из одного словарника в другой. Важность такой технической возможности обусловлена интересными с лингвистической точки зрения отношениями между соответствующими языковыми единицами: многие дискурсивные формулы имеют формальные корреляты среди конструкций. Ср. — *Хочешь мороженого? — А то!* (дискурсивная формула) VS. *Не пей из копытца, а то козленочком станешь* (прохибитивная конструкция *не VP-Imp, а то VP-Imp*). Для пользователей это новая опция, расширяющая изучаемый материал. Для разработчиков, как мы покажем на презентации «Прагматикона», это материал для более глубоких исследований и новых классификаций.

Литература

П. А. Бычкова, Е. В. Рахилина, Е. А. Слепак. (2019) Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка. Вып. 21. С. 257-284.

ЖЕСТЫ И ЭМОЦИИ: ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ СТИЛЬ ПОВЕДЕНИЯ*

А. А. Демина, Ю. В. Николаева

МГУ им. М. В. Ломоносова

(Москва, Россия)

julianikk@gmail.com

Основоположник невербальных исследований в лингвистике на русском языке, Г. Е. Крейдлин (2005) подробно описывает гендерные особенности жестового поведения и отмечает их значительное изменение в последние годы, вызванное, в первую очередь, социоэкономическими причинами.

В данном исследовании изучались эмблемы — жесты, «имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста» (Крейдлин 2002: 79) и их подтип, который называется «симптоматические эмблемы»: «Симптоматические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего. Означаемым всех симптоматических жестов является именно эмоция» (Крейдлин 2002: 114).

Учитывая, что нет однозначно только мужских и только женских жестов, и в разных ситуациях людям будут присущи разные особенности поведения, в исследованиях гендерных особенностей в коммуникации говорят не о половых различиях, а о стилях жестового поведения, мужском и женском (Крейдлин 2005: 42).

Данное исследование выполнено на материале Мультимедийного корпуса (МУРКО). Поиск осуществлялся среди жестов внутреннего состояния, выдача была отсортирована по полу и по выражаемой эмоции. Для анализа были взяты 16 самых частых эмоций. Было найдено и обработано 377 фрагментов женских и 959 мужских жестов.

В результате наметились следующие общие тенденции и паттерны женского и мужского жестового поведения:

1. Мужские способы выражения в целом гораздо разнообразнее, в то время как у женщин более ограниченный набор эмблем.

2. Женщины оказываются сдержанными и тактичными при выражении негативно окрашенных эмоций (возмущения и

недовольства), в то время как мужчины в этих же ситуациях склонны жестикулировать намного активнее, использовать больше агрессивных жестов и в целом больше жестикулировать руками.

3. Что касается позитивных эмоций (привязанность и радость), мужчины оказываются более сдержанными и скупыми на активную жестикуляцию, в то время как женщины ведут себя более эмоционально, используя более экспрессивные жесты.

4. У женщин жесты более выражены, когда они напуганы или чем-то потрясены, но для выражения удивления женские самые частотные жесты совпали с мужскими (*поднять брови, широко раскрыть глаза, открыть рот и отодвинуться от собеседника*).

5. Только у мужчин встретился такой жест, как *облизнуть губы*, который используется в состоянии задумчивости и нервного напряжения.

Проверка статистической значимости этих различий с помощью критерия Манна-Уитни показала их достоверность только для 3 эмоций: испуга, недовольства и удивления. Отсутствие статистической значимости для остальных эмоций можно трактовать как сглаживание гендерных различий, в том и числе и в невербальном поведении.

В заключение можно сказать, что наблюдаемый сейчас процесс взаимодействия и слияния некогда мужских и женских особенностей поведения представляет интерес для лингвистов, а также биологов, социологов и других исследователей.

Литература

Крейдлин Г. Е. (2005) Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры.

Liu J. (2014) Analysis of Gender Differences in Speech and Hand Gesture Coordination for the design of Multimodal Interface Systems. PhD Thesis, Macquarie University.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

НОГИ И ИХ ФУНКЦИИ В КОММУНИКАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА RUPEX

А. А. Евдокимова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
arochka@gmail.com*

Традиционно, когда говорят о жестах, имеют в виду в основном жесты рук. Однако в коммуникации оказываются довольно значимыми жесты ног, особенно когда ноги располагаются на виду. Согласно дизайну записей корпуса RUPEX все участники сидят на стульях напротив или рядом друг с другом, в зависимости от роли, что позволяет учитывать движения ног в коммуникации.

В нашем корпусе RUPEX все движения ног можно увидеть только на общем видео, и для этого исследования были просмотрены записи 22 и 23. Часть из движений ног, если они осуществлялись в районе сиденья стула, видны и на индивидуальных видео, что позволяет увидеть более мелкие детали некоторых из них, например, происходит движение целиком мыском ноги или двигаются только пальцы. Однако тогда они оказываются вне общего контекста, так как не видны движения от колена до ступней, если нога не поднимается на уровень сиденья. На данном этапе исследования была проведена пилотная аннотация движения каждой из ног 8 испытуемых в указанных записях: 2 рассказчиков, 2 комментаторов, 2 пересказчиков и 2 слушателей. В этой разметке есть тэги, описывающие сами движения (их вид, направление, амплитуду, какой частью ноги выполнены), тип, к которому их можно отнести (жесты, эхо, адапторы), в случае жестов маркируется тип жестов. В случае если жесты или адапторы одной ноги объединяются в кластеры с жестами или адапторами других, они помечены звездочкой.

Как было показано нами ранее (Николаева, Евдокимова: 2019), ноги при взаимодействии с руками у большинства рассмотренных испытуемых либо осуществляют эховые движения, либо делают серии битов. Только двое из восьми испытуемых в большей степени использовали движения ног для смены позы (22N и 23C), как

аккомодаторы позы – один 23L, а как адапторы 22R и 23L. При этом в зависимости от жестового портрета испытуемого, число разных движений ног может достигать от нескольких десятков до сотни на 10 минут записи.

Однако, для ног так же, как и для головы и рук, можно выделить жесты разных типов. Сами жесты по своим функциям в проанализированном материале делятся на прагматические, изобразительные, указательные, аккомодаторы, биты и т.д. При этом биты могут осуществляться как ногой целиком, так и коленкой с фиксацией ступни или ступней или ее частями: носком или пяткой. Аккомодаторы могут быть как с участием таза и переносом веса с одной ноги на другую или сменой ног, если поза была нога на ногу. В ряде примеров можно говорить о смысловой нагруженности движений не только ступни и ее частей, но и пальцев ног. В некоторых случаях эти движения классифицируются как адапторы, в других оказываются жестами, часто прагматического характера.

Сами типы движений ног разнообразны. К ним относятся вытягивание ног вперед, убирание ног под стул, нога на ногу, ноги параллельно ножкам стула, ноги на пятках, ноги на носках, движения колен в разных направлениях, поднятие ног, покачивание мыском в позе нога на ногу, различные манипуляции ступнями и т. д. Каждая нога может действовать отдельно и синхронизироваться с другой – так получаются разные комбинации из этих движений. Как и в случае мануального канала, каждая нога аннотируется отдельно. Жесты могут быть представлены внутри слоя одной ноги или объединять движения из обоих слоев обеих ног. При этом в отличие от движений головы, где мы можем часто ограничить количество значений у отдельного движения, в случае ног все в большей степени зависит от контекста и не только вербального, но и невербального, связанного с происходящим в других кинетических каналах. Так среди адапторов частотны вариации адапторов, осуществляемых руками на ногах, например, испытуемый поправляет платье на ноге, чешет коленку, при этом часто нога пододвигается навстречу к движениям рук, что похоже по структуре на адапторы в голове. Однако встречаются и адапторы

собственно ног, например, сведение и отведение коленок, которое может носить битовый характер.

Часть из жестов связаны руками и являются вспомогательными для жестов рук, например, когда руки лежали на коленях или опирались на них, а потом отталкиваются от ног и стартуют для своих жестов. Иногда это сопровождается эховым движением ног, а иногда сопутствующим прагматическим жестом. В других случаях ноги используются для иллюстрации жестов рук, объяснения и показа на них видов одежды, как в записи номер 23 делает рассказчик, в то время как комментатор сопровождает ее рассказ только иллюстративными жестами самих ног.

Ноги, как и голова, могут выполнять жесты, которые служат для подчеркивания жестов рук. В зависимости от направления движения и их амплитуды, а также расположения рук в этот момент, эти жесты могут трактоваться как указательные или прагматические. В таких случаях иногда жесты ног происходят одновременно с рассказом, а иногда с небольшим запаздыванием (например, у 22N, 22C, 22R) или предвосхищением. Для выяснения того, какие факторы влияют на моменты рассинхронизации, требуется отдельное комплексное исследование, так как некоторые приходятся, например, на моменты речевых сбоев.

Однако при сопоставлении движений ног с вербальными данными мы видим, что для некоторых испытуемых движения ног являются фоном жестов в других каналах, часто битового характера. Как мы писали ранее (Николаева, Евдокимова: 2019), у некоторых участников (например, 22C) возникает синхронизация битов в кистях и в ступнях, что требует отдельного исследования, поскольку в зависимости от контекста эти синхронизации битов могут сопровождать значимые жесты головы и носить вспомогательный характер, а где-то являются отдельными кинетическими смысловыми единицами. С другой стороны, ноги часто оказываются поверхностью для показа. Так, 22N выполняет серию иллюстративных мануальных жестов, рисуя на коленке, или показывает на коленку и после выполняет движения, похожие на скребки. 23N подтягивает обе ноги под стул и протягивает к ним руки с изобразительным жестом. В то же

время некоторые движения ног, связанные, например, с перемещением друг относительно друга коленей, ступней целиком или их частей (носков или пяток) могут иллюстрировать движения персонажей относительно друг друга, если направлены в разноименные стороны и выполнять указательную функцию в случае направления в одну сторону.

Еще одним сюжетом оказывается вопрос, как влияет на тип жеста или тип кинетической единицы то, какая нога оказывается опорной в тот или иной момент. Отдельная группа прагматических жестов возникает при переносе опоры с одной ноги на другую или на обе. Обычно они предшествуют другим кинетическим единицам, жестам или адапторам. В случае если амплитуда таких движений невелика и дальше не следуют другие движения ног, они относятся к аккомодаторам.

Таким образом, по некоторым своим функциям и их реализациям ноги похожи на руки, а по другим, как, например, в случае эховых движений, прагматических жестов, подчеркивающих движения в других кинетических каналах, на голову.

Литература

Николаева Ю. В., Евдокимова А. А. Руки, ноги, голова: задачи, находки и трудности мультимедийной аннотации // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. М., 2019. С. 636-641.

Евдокимова А. А., Николаева Ю. В. Немануальные движения в коммуникации и их комплексное описание. // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2019», СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. С. 17-22.

ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ ЛИНГВИСТ, СОПОСТАВЛЯЮЩИЙ ЖЕСТОВЫЕ НОМИНАЦИИ ПО ПАРАЛЛЕЛЬНОМУ КОРПУСУ, МОЖЕТ ЗАДАТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ ЯЗЫКА ЖЕСТОВ *

И.М. Кобозева

*МГУ им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kobozeva@list.ru*

В отечественной лингвистике исследование языка жестов с самого начала шло рука об руку с исследованием их номинаций в обыденном языке. Действительно, «прагматически освоенные, распознаваемые и стабильные формы жестового поведения» (language-like gestures и pantomimes [Kendon 1988]), как правило, имеют в вербальном языке стандартные номинации. И на первых порах, когда еще не был осуществлен проект Е.А. Гришиной МУРКО, описание семантики жестовых номинаций по контекстам их употребления в письменных текстах признавалось одним из основных способов описания семантики жестов [СЯРЖ 2001: 11]. Именно поэтому толкования жестов-лексем в [СЯРЖ 2001] ничем не отличаются от толкований обычных слов, а правильность толкований подтверждается многочисленными текстовыми иллюстрациями.

Стандартные номинации жестов являются столь же естественным объектом сопоставительного анализа, как и любые другие слова в языке, а материал для такого анализа дают параллельные корпуса текстов. В докладе рассматриваются результаты такого пилотного корпусного анализа на конкретном примере анализа жестовой номинации *развести руками* по данным русско-английского подкорпуса НКРЯ.

Как можно было ожидать, одна и та же номинация в одном языке (*развести руками*, далее *PP*) имеет в другом языке целый ряд эквивалентов: *spread (out) one's hands / arms, splay one's arms, raise one's hands, throw up one's hands, wave one's hands, open one's arms, make a sweeping gesture with one's hands, demonstrate with one's hands*, и др.).

Все переводные соответствия (далее — эквиваленции) по частотности можно разделить на 2 типа — ординарные и

неординарные. К ординарным относятся *spread (out) one's hands / arms* и *throw up one's hands*.

Причины появления в корпусе неординарных эквиваленций:

1) Переводческая стратегия. Так, в направлении Англ. → Рус. эквиваленция «Ø → PP» в подходящем для PP контексте неоднократно встречается в переводе В. Гобаревым сказки Frank Baum. *The Marvelous Land of Oz*, напр., *"I don't know," she answered* → *Не знаю*, — **развела руками** девочка. Возможно, переводчик стремился таким образом «оживить» повествование.

2) Ошибка переводчика, напр., «*wave one's hands* → PP» в контексте *He coughed nervously and waved his hands and repeated his annoying remark about her sweet pretty little head.* → *Нервно покашливая, он развел руками и повторил свою дурацкую фразу насчет того, что не надо ей загружать делами свою милую хорошенькую головку*, где следовало употребить номинацию *махать руками*, стандартно обозначающую основной отрицательный жест в его двуручном варианте (Гришина 2017: 425).

3) Неудачный выбор номинации в оригинале. Так, PP, будучи стандартной номинацией одного из жестов дистанцирования [Гришина 2017: 19], ошибочно использована в качестве номинации изобразительного жеста, показывающего линейный размер, см. напр., «*Небольшая такая картинка. — И Марлен развел руками нешироко, примерно как портной ему показывал*». Здесь следовало сказать *развел руки* или *показал руками*. Переводчик при этом выбирает соответствующую действительному смыслу номинацию, переводя PP как *demonstrated with his hands*.

4) Замена жестовой номинации оригинала на номинацию синонимичного жеста в переводе, напр., «PP → *shrug (one's shoulders)*».

Анализ неординарных эквиваленций представляет интерес в основном в аспекте переводоведения, но эквиваленции типа 4 представляют интерес и для сопоставительного исследования жестикуляции, поскольку свидетельствуют о разной степени ономаσιологической выделенности [Geerarts et al. 1994] жестовых аналогов.

Анализ ординарных эквиваленций представляет интерес для жестикуляционной лингвистики *per se*. Наличие двух ординарных эквивалентов у PP — *spread (out) one's hands / arms* и *throw up one's hands*, учитывая существенное различие между этимонами [Гришина

2017: 10-11] английских номинаций и указываемых в них разных векторов движения рук требует осмысления.

Одно из возможных объяснений: означаемое номинации *PP* — любой двигательный вариант двуручного жеста из семейства, покрывающего единую семантическую зону, которая в другом языке разделена между двумя семействами двуручных жестов, каждый из которых имеет свою номинацию. Это была бы ситуация, аналогичная обычной для вербального языка ситуации более или менее дробного деления единой семантической области между значениями лексем, ср. слово *брат*, которому в кит. соответствуют *gēgē* ‘старший брат’ и ‘*didì* ‘младший брат’.

Альтернативное объяснение: номинация *PP* соответствует двум разным семействам, различающимся как по формальным характеристикам входящих в них двуручных жестов, так и по семантике. Второе объяснение равносильно признанию в русском языке жестов двух формально и семантически различающихся жестов с одной и той же номинацией *PP*. Естественно, что в этом случае потребуются выйти за рамки текстов и обратиться к наблюдению жестикуляции в соответствующем каждому из предполагаемых двух жестов круге контекстов, то есть заняться собственно языком жестов.

В докладе мы покажем, что обращение к исследованию самих жестов в данном конкретном случае весьма желательно.

Литература

Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М., 2017.

СЯРЖ — *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. Москва — Вена, 2001.

Geeraerts D., Grondelaers S., Bakema P. The Structure of Lexical Variation. Meaning, Naming, and Context. Berlin / New York, 1994.

Kendon A. How gestures can become like words. // Poyatos F. (ed.) Cross-cultural perspectives in non-verbal communication. Toronto, 1988.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

СОВМЕСТНОЕ ПОСТРОЕНИЕ В ДИАЛОГЕ: ОПЫТ ПЕРВИЧНОЙ КОРПУСНОЙ РАЗМЕТКИ *

Н. А. Коротаев

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
n_korotaev@hotmail.com*

Хорошо известно, что участники диалога опираются на принципы чередования реплик, в общей форме сводящиеся к стремлению минимизировать паузы и наложения [Sacks et al. 1974; Stivers et al. 2009]. В базовом случае говорящий, ответственный за реализацию текущей реплики, произносит ее полностью, после чего может произойти смена говорящего. Однако возможны и осложнения этой базовой картины. Одно из таких осложнений состоит в *совместном построении*, при котором единая синтаксическая структура порождается более чем одним участником: говорящий 1 (далее — Г1) реализует начальный компонент конструкции, говорящий 2 (Г2) — финальный ([Ono, Thompson 1996; Helasvuoto 2004] и др.). Совместное построение часто рассматривается как проявление кооперативного характера диалогического взаимодействия ([Lerner 1996] и др.). Наиболее известное описание синтаксиса совместного построения в русском языке выполнено в работе [Гренобль 2008] на материале радиопередач.

В настоящем докладе представлен опыт разметки случаев совместного построения в диалогических фрагментах корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (<https://multidiscourse.ru>; [Кибрик 2018]). Все записи корпуса включают в себя три базовых этапа: рассказ, разговор и пересказ. Диалогическим является второй из этих этапов, во время которого трое участников обсуждают содержание «Фильма о грушах» [Chafe (ed.) 1980]. Непосредственным материалом исследования стали разговоры в пяти записях, общей продолжительностью немногим более часа. В этом массиве были обнаружены 58 случаев совместного построения, которые были дополнительно размечены по следующим параметрам:

- *Тип совместного построения* по [Гренобль 2008]: завершение (Г2 завершает синтаксически, семантически и / или интонационно незавершенную реплику Г1) vs. расширение (Г2 дополняет законченную реплику Г1).

- *Уровень синтаксической структуры*: совместное построение именной группы vs. простой клаузы vs. последовательности клаузы и субклаузальной единицы vs. сложноподчиненной конструкции vs. сложносочиненной конструкции или конструкции с соположением клауз.
- *Интонационное оформление начального компонента* конструкции: произнесение без тональных акцентов vs. с акцентами, стандартно используемыми для выражения текстовой незавершенности (в том числе ИК-3, ИК-4, ИК-6 по [Брызгунова 1980]) vs. с нисходящим финальным акцентом типа ИК-1.
- *Линейное соотношение* компонентов конструкции: финальный компонент отделен от начального паузой vs. произносится встык с начальным компонентом vs. накладывается на начальный компонент.
- *Одновременное говорение*: после того как Г2 начинает реализацию финального компонента конструкции, Г1 по крайней мере некоторое время продолжает говорить параллельно с Г2 vs. сразу же прекращает вербализацию.
- *Содержательная реакция Г1* на вариант достроения, предложенный Г2: Г1 выражает несогласие vs. соглашается с вариантом Г2 либо не выражает явного несогласия.

По итогам выполненной разметки можно сделать следующие предварительные наблюдения.

1) Частотность совместного построения ощутимо варьирует от записи к записи. Так, в записи 22 на 100 секунд аудиосигнала приходится 0.57 случая совместного построения, в записи 37 — 3.07 случая (см. аналогичное наблюдение в [Гренобль 2008]). Учитывая, что все записи имеют сходную организацию и единую тематическую основу, а участники во всех записях различаются, можно предположить, что эта вариативность обусловлена в первую очередь индивидуальными предпочтениями говорящих и их общим настроением на сотрудничество.

2) Завершения встречаются заметно чаще, чем расширения: 44 случая против 14. При этом различие между этими двумя типами совместного построения предсказуемым образом поддерживается интонационным фактором: безакцентное произнесение начального

компонента возможно только перед завершениями, а произнесение с акцентом типа ИК-1 — практически только перед расширениями.

3) Интонационное оформление начального компонента также чувствительно к уровню синтаксической структуры. Произнесение начального компонента без коммуникативно значимого акцента типично при совместном построении именной группы или простой клаузы. Тональные акценты, характерные для выражения незавершенности, возможны для большинства синтаксических типов, но преобладают в начальных компонентах сложноподчиненных и сложносочиненных конструкций; также они стандартны при совместном построении простых клауз. Наиболее заметным контекстом употребления в начальном компоненте нисходящего акцента типа ИК-1 является сочетание простой клаузы с расширяющей эту клаузу субклаузальной единицей.

4) Параметры «Одновременное говорение» и «Содержательная реакция Г1» образуют двумерное пространство, позволяющее оценить степень кооперативности участников. Классическому представлению о кооперативном характере совместного построения, по всей видимости, соответствуют случаи, в которых Г1 (а) прекращает вербализацию сразу после того, как Г2 приступает к финальному компоненту конструкции; (б) не выражает явного несогласия с предлагаемым Г2 способом построения. Всего таких случаев в имеющейся выборке — 14 (24.1%). Противоположная ситуация, свидетельствующая скорее о соревновательном характере совместного построения, реализована в 9 случаях (15.5%): Г1 продолжает вербализацию, несмотря на вступление Г2, а также явным образом отвергает предложенный Г2 вариант. Наиболее же частотной оказывается промежуточная ситуация: Г1 продолжает вербализацию, но затем либо соглашается с предложенным вариантом построения, либо не выражает явного несогласия (всего — 34 случая; 58.6%).

5) С параметром «Одновременное говорение» также связан и характер линейного развертывания совместно построенной конструкции. Во всех случаях, когда между начальным и финальным компонентами наличествует значимая (не менее 200 мс) пауза, Г1 продолжает вербализацию параллельно с Г2. Если компоненты произносятся без заметной паузы и без наложения, Г1 сразу прерывает речь примерно в 25% случаев; при наложении финального компонента на начальный — примерно в 50% случаев.

Таким образом, дополнительная разметка случаев совместного наложения в корпусных данных позволяет выдвинуть ряд

предположений о типичных характеристиках этого явления и связях между ними. Дальнейшее увеличение объема размеченного материала позволит проверить эти предположения более строгими статистическими методами.

Литература

Брызгунова Е. А. (1980). Интонация // Русская грамматика, том 1. М.: Наука. – 98-118.

Гренобль Л. (2008). Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге // Вопросы языкознания, № 1. – 25–36.

Кибрик А. А. (2018). Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал 39(2). – 79–90.

Chafe, W. (ed.). (1980). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Ablex.

Helasvuo, M. L. (2004). Shared syntax: the grammar of co-constructions // Journal of Pragmatics, 36. – 1315–1336.

Lerner, G. H. (1996). On the “semi-permeable” character of grammatical units in conversation: Conditional entry into the turn space of another speaker. In: E. Ochs, E. Schegloff, S. Thompson (eds.) Interaction and Grammar. Cambridge University Press. – 238–276.

Ono, T., Thompson, S. (1996). Interaction and Syntax in the Structure of Conversational Discourse: Collaboration, Overlap, and Syntactic Dissociation. In: E. H. Hovy, & D. R. Scott (Eds.), Computational and Conversational Discourse: Burning Issues – An Interdisciplinary Account. Berlin: Springer. – 67-96.

Sacks, H., Schegloff, E., Jefferson, G. (1974). A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language, 50. – 696-735.

Stivers, T., Enfield, N. J., Brown, P., Englert, C., Hayashi, M., Heinemann, T., Hoymann, G, Rossano, F., de Ruiter, J. P., Yoon, K.-E., & Levinson, C. (2009). Universals and cultural variation in turn-taking in conversation // Proceedings of the National Academy of the Sciences. U.S.A., 106(26). – 10587–10592.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00626.

ПРОКСЕМНОЕ И ЖЕСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИЯХ КОНКУРЕНЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА*

М. А. Леутина, А. А. Газарин, Ю. В. Николаева

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
julianikk@gmail.com*

Для исследования поведения испытуемых был проведен эксперимент, в результате которого было получено 10 видеозаписей общей длиной 2 часа 15 минут. В исследовании приняли участие 20 студентов в возрасте от 18 до 22 лет.

В каждом эксперименте участвовали два человека. На первом этапе эксперимента испытуемым предлагается взять по копии одного из текстов из стимульного материала и за отведённое время (1.5 минуты) найти в нём орфографические ошибки. Если испытуемые вместе находят больше ошибок, чем средний показатель – каждый из них получает вознаграждение. На втором этапе испытуемые работают со вторым текстом, и по истечении времени меняются листами с отмеченными ошибками и стараются найти как можно больше пропущенных или неправильно отмеченных ошибок на листе другого испытуемого.

После завершения каждого из этапов эксперимента испытуемым предоставлялся список вопросов, относящихся к завершённой стадии эксперимента, для обсуждения между собой.

Что касается общего количества жестов в двух типах ситуаций, различия есть (в ситуациях сотрудничества жестов больше), но они статистически не значимы, однако для отдельных типов жестов разница статистически достоверна: в ситуациях сотрудничества было больше иллюстраторов, указательных и регулирующих жестов. В случае иллюстраторов это может объясняться тем, что на этапе сотрудничества испытуемые ведут себя с собеседником более

расслабленно и стремятся как можно лучше иллюстрировать свою речь с целью достижения общей цели. Регулирующие жесты, в дополнение к этому, помогают обоим собеседникам лучше наладить контакт для более эффективного сотрудничества. Кроме того, указательных жестов значительно больше у тех, кто решает задачу совместно: испытуемые использовали их, указывая собеседнику на те или иные элементы задания. В ситуациях конкуренции стимула делиться информацией с соперником нет, соответственно, указательные жесты почти не используются.

Можно было бы предположить, что адапторы (почесывания, потирания рук, другие незнакомые движения) будут преобладать в контексте конкуренции как потенциально более стрессовом, однако эти различия были выражены слабо: хотя в ситуациях сотрудничества испытуемые были более расслаблены, адапторы служили заполнению пауз между жестами.

Для исследования проксемики поведения была создана система аннотации, опирающаяся на определение социальных дистанций, предложенное Э. Холлом [Hall 1963]. На изображение накладывалась масштабная сетка, как на Рисунке 1. Для фиксирования количества пересечений социальных дистанций руками говорящего пространство между собеседниками было поделено на три зоны: In(timate), S(hared), O(ther's), в соответствии с примерными границами личной и интимной дистанции, как на Рисунке 2. Кроме этого, размечались направления указательных жестов.

В результате были сделаны следующие выводы.

1. Для ситуации сотрудничества в целом характерно поддержание меньшего расстояния, чем для ситуации конкуренции.

2. При взаимодействии малознакомых людей предпочтительной является такая стратегия поведения, в которой собеседник нарушает границы чужой интимной дистанции минимально.

3. Собеседники подстраиваются друг под друга в плане нарушения границ интимной дистанции друг друга: чем чаще границу нарушает один участник, тем чаще ее будет нарушать другой.

4. Типичные направления указательных жестов как для ситуаций сотрудничества, так и для ситуаций конкуренции не выявлены (наблюдаемые различия статистически незначимы).

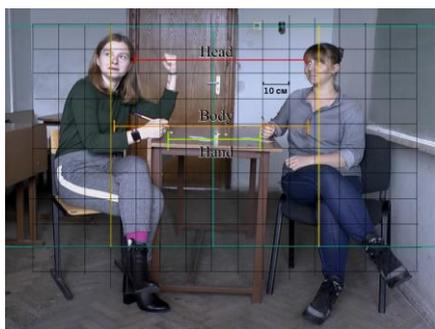

Рис. 1. Масштабная сетка

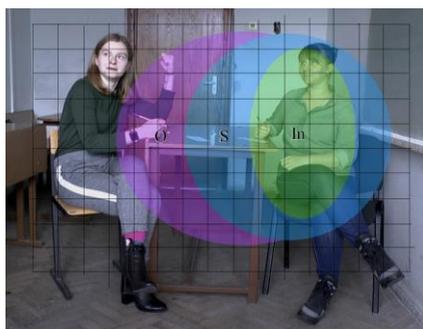

Рис. 2. Границы социальных дистанций

Литература

Hall E. T. (1966) *The hidden dimension*. New York: Doubleday and Company.

McNeill D. (2005) *Gesture and thought*. Chicago: University of Chicago Press.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫ ЛИ ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ К КАНАЛУ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ?*

В. И. Подлесская

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

vi_podlesskaya@il-rggi.ru

Задача данного исследования – сравнить свойства авторской ремарки в цитационных конструкциях трех типов:

(а) с препозитивной авторской ремаркой в главной клаузе *Кушнер* писал: «*Времена не выбирают*»;

(б) с пост- и интерпозитивной авторской ремаркой в главной клаузе «*Времена не выбирают*», – писал *Кушнер*; «*Времена*, – писал *Кушнер*, – не выбирают»;

(в) с ремаркой, вводимой союзом *как*: *Как* писал *Кушнер*, «*времена не выбирают*» (так называемые «вводно-союзные», согласно определению Е.В. Падучевой (1996: 321-334)).

Для сравнения авторских ремарок в этих конструкциях удобно использовать параметр, который в типологии полипредикации именуют степенью редукции, или «степенью десентенциализации» (*desententialization*, *Lehmann* 1988), ср. также термин «понижение в ранге» (*deranking*, *Cristofaro* 2003) и обзор терминов данной зоны в *Gast, Diessel* 2012. Обычно под степенью редукции компонента полипредикативной цепочки понимают степень понижения его синтаксического и коммуникативного статуса. В русистике это понятие успешно применяется Г.И. Кустовой (2020:18) к анализу вводных единиц.

Препозитивная авторская ремарка в главной клаузе демонстрирует минимум редукции: с грамматической точки зрения, она лишена ограничений на порядок слов, на форму предикативной вершины (время/вид/залог/наклонение); с просодической точки зрения, она характеризуется просодической завершенностью (обычно реализуется с падающим тоном в рематическом акценте). Такая ремарка проецирует продолжение только за счет того, что в ее вершине

– глагол с валентностью на цитату, и эта валентность требует заполнения.

Вводно-союзная ремарка, напротив, демонстрирует максимум редукции. В частности, как заметила Г.И. Кустова (2020:18) в таких ремарках не допускается отрицание при сказуемом, ср. **как не писал Кушнер*. Заметим, что с цитацией, особенно, в формате прямой речи, общее отрицание в авторской ремарке затруднено при любом статусе авторской ремарки. Вместе с тем, при препозиции авторской ремарки в главной клаузе возможны верификация или контраст, которые облегчают употребление отрицания. Так, допустимо: *Петя <же> не сказал тебе <прямо>: «Я завтра приеду»*. Однако при интер- или постпозиции авторской ремарки общее отрицание становится невозможным: **«Я завтра приеду», – не сказал тебе Петя*; **«Я завтра – не сказал тебе Петя, – приеду»*. Получается, что ограничение на отрицание действует не только в конструкциях класса (в) с как-ремаркой, но и в конструкциях класса (б) – с интер- и постпозитивной авторской ремаркой в главной клаузе.

Ниже я продемонстрирую еще некоторые симптомы редукции как-ремарки, а также покажу, что эти симптомы частично наблюдаются и в конструкциях класса (б)

1. Конструкции класса (а), с препозитивной ремаркой, имеющей статус главной клаузы, могут реализоваться с разной иллюкутивной силой: это может быть не только сообщение, но и вопрос или директив: *Петя <так прямо и> сказал: «Я завтра приеду»?; <Так прямо и> скажи: «Я завтра приеду»*. Конструкции со вводно-союзной ремаркой класса (в), понятным образом, могут быть только сообщением. Показательно при этом, что и в конструкциях класса (б), где, как и в конструкциях класса (а), ремарка имеет статус главной клаузы, вопросы практически невозможны, а директивы сильно затруднены (хотя их употребление может быть облегчено наличием верификации или контраста: **«Я завтра приеду», – сказал Петя?; ??«Я завтра приеду», – скажи!; ?«Я **завтра** приеду», – скажи!*). Таким образом, выдвигание главной клаузы вправо приводит к редукции коммуникативных «свобод» конструкции.

2. Серьезный симптом редукции вводно-союзной ремарки – ограничения на порядок слов: если подлежащее ремарки (субъект речи = автор цитаты) выражено полной именной группой, то дефолтное

правило требует инверсии подлежащего и сказуемого. По пилотной проверке данных мультимедийного подкорпуса МУРКО, порядок типа *как писал Кушнер...* многократно более частотен, чем *как Кушнер писал*. Причем этот порядок доминирует независимо от того, как расположена как-ремарка относительно цитаты, ср. «*Времена не выбирают*», – *как писал Кушнер* или «*Времена, – как писал Кушнер, – не выбирают*». Если же подлежащее ремарки – местоимение, то сохраняется прямой порядок, ср. правильное *как ты верно заметил...* и сомнительное [?]*как верно заметил ты...* Данное различие естественно связать со степенью актуализованности референта-говорящего. Это предположение подтверждается и тем, что в тех как-ремарках, где референт-говорящий является одним из участников беседы, прямой порядок облегчен и для полных именных групп, ср. вполне приемлемое *как Петя тут правильно сказал...*

Интересно, что инверсия подлежащего и сказуемого характерна и для конструкций типа (б) – с интер- и постпозитивной авторской ремаркой в главной клаузе, ср. правильное «*Времена не выбирают*», – *писал Кушнер* и сомнительное [?]«*Времена не выбирают*», – *Кушнер писал*. Более того, в конструкциях класса (б) инверсия требуется даже в тех случаях, когда подлежащее выражено местоимением, ср. правильное «*Времена не выбирают*», – *писал он* и весьма сомнительное ^{??}«*Времена не выбирают*», – *он писал*. Таким образом, с точки зрения порядка слов, в конструкциях с постпозитивной авторской ремаркой в главной клаузе действуют не менее сильные ограничения, чем в конструкциях с как-ремаркой.

3. В как-ремарках наблюдаются и симптомы просодической редукции. Степень редукции зависит (i) от того, как расположена как-ремарка относительно цитаты; и (ii) от протяженности и структурной сложности ремарки. В общем случае, максимальная степень редукции, как и следовало ожидать, наблюдается при интерпозиции короткой как-ремарки: она произносится со слабым падающим или ровным тоном в рематическом акценте или вовсе атонически, в более высоком темпе, чем цитата, и более узком тоновом диапазоне. При этом просодическая интеграция частей цитаты до и после как-ремарки может поддерживаться тем, что фразовый акцент фрагмента до как-ремарки адаптируется к направлению акцента фрагмента после как-ремарки. Так, возможны следующие два паттерна:

(1) «/Времена — как писал \Кушнер — не \выбирают. В них живут и умирают»

(2) «\Времена — как писал \Кушнер — не /выбирают, в них живут и умирают»

В паттерне (1) носитель рематического акцента *выбирают* реализуется с интонацией завершенности, с падающим тоном; акцентоноситель темы *времена* реализуется с восходящим тоном. В паттерне (2) носитель рематического акцента *выбирают* реализуется с интонацией незавершенности, с восходящим тоном; акцентоноситель темы *времена* реализуется с подающим тоном. В обоих случаях направление движения тона в теме адаптировано к направлению тона в реме. При постпозиции просодическая редукция как-фразы встречается реже, а при препозиции как-фраза, как правило, реализуется вовсе без редукции – с выраженным подъемом в главном фразовом акценте: *Как писал /Кушнер, «времена не \выбирают».*

Конструкции класса (б) с постпозитивной ремаркой в главной клаузе сближаются с вводно-союзными конструкциями класса (в) в том, что они также демонстрируют симптомы просодической редукции. Их главный (рематический) акцент располагается внутри цитаты, а следующая далее ремарка либо произносится атонически (типично для коротких ремарок), либо с акцентом на последнем слове. Этот «краевой» акцент отвечает за текстовую (не) завершенность всей конструкции: если конструкция оказывается последней в иллокутивной цепочке, то акцент либо не реализуется вовсе, либо реализуется со слабым падением; если конструкция оказывается не последней в иллокутивной цепочке, то этот акцент реализуется обязательно, причем с подъемом, ср. подъем тона на *Петя*: «Я завтра \приеду», – сказал /Петя и \улыбнулся.

С другой стороны, конструкции класса (а) и конструкции класса (б) противопоставлены вводно-союзным класса (в) по ограничениям на семантический класс глагола в вершине авторской ремарки. Препозитивная ремарка в главной клаузе может возглавляться не только глаголом речи, но и глаголом действия и состояния; конструкция в этом случае понимается как речь, сопровождающая это действие или состояние, ср. *Петя заплакал [со словами]: «Куда же я теперь пойду?!».* При выносе авторской ремарки

в постпозицию (т.е. в классе (б)) значение совмещенности действия и речи сохраняется только при инверсии подлежащего и сказуемого, ср. «Куда же я теперь пойду?!» – заплакал Петя. При отсутствии инверсии единство действия и речи разрывается, и действие может быть понято, например, как последовавшее за речью, ср. «Куда же я теперь пойду?!» Петя заплакал. Но в конструкциях класса (в) глаголы действия и состояния вовсе невозможны: *«Куда же я теперь пойду?!», как плакал Петя.

Таким образом, наше сравнение показывает, что пост- и интерпозитивные авторские ремарки в конструкциях класса (б), с одной стороны, сохраняют синтаксический статус главной клаузы, а с другой – сближаются со вводно-союзными конструкциями класса (в), демонстрируя важнейшие симптомы редукции – понижения синтаксического и коммуникативного статуса.

Литература

Кустова Г.И. Системные связи присоединительных и парентетических конструкций // Международная конференция «Актуальные проблемы функциональной грамматики», посвященная 90-летию со дня рождения А. В. Бондарко. Тезисы докладов. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2020, 18.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: ЯСК, 1996

Cristofaro, Sonja. Subordination. Oxford: Oxford University Press. 2003

Gast, Volker; Diessel, Holger. The typology of clause linkage: Status quo, challenges, prospects // Gast, Volker & Diessel, Holger (eds.) Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective: Data-Driven Approaches to Cross-Clausal Syntax. de Gruyter Mouton, 2012, 1-36.

Lehmann, Christian. Towards a typology of clause linkage // John Haiman & Sandra A. Thomson (eds.) Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1988, 181-225.

* Исследование поддержано грантом РФФ № 17-18-01184.

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ, КОНСТРУКЦИИ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ

*Г. Розовская, П. Альбицкий, Д. Демидова, П. Кудрявцева,
Я. Лабенская*

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
gloria.rozovskaya@yandex.ru*

Теория «Грамматика конструкций» (СxG), предложенная Ч. Филлмором более 30 лет назад и утвердившая себе прочное место в лингвистике, предлагает считать некомпозиционные единицы основой естественного языка и его главными «строительными элементами» (Fillmore 1988). В этом качестве теория рассматривает конструкции. По определению СxG, лексико-синтаксические конструкции представляют собой неоднословные единицы, содержащие в своем составе переменные.

За 30 лет лингвистика накопила большой запас информации о свойствах таких единиц — в конкретных языках и в языке вообще. Однако остается неясным, можно ли действительно, опираясь на данное определение (или даже определив конструкции как-то иначе), оценить их место и долю в разнообразном множестве неоднословных некомпозиционных единиц языка вообще или хотя бы какого-то одного конкретного языка.

Доклад представляет предварительные результаты по оценке и классификации соответствующих данных для русского языка. Эти данные уникальны в том смысле, что для русского (как пока ни для какого языка) собрана и продолжает быстро пополняться довольно большая база данных конструкций «Русский конструктикон», в которой уже детально расклассифицировано примерно 2.5 тысячи конструкций (Эндресен и др. 2020).

В процессе работы над конструкциями у разработчиков не раз возникали вопросы о сходных единицах, не подпадающих под классическое определение СxG. В частности, именно так был выделен класс дискурсивных формул – однако дискурсивные формулы не исчерпывают множества некомпозиционных (фразеологизованных) единиц без переменных и других идиоматичных сочетаний «за бортом» множества конструкций.

В этом отношении интересно проведенное авторами сопоставление словника самого современного и большого фразеологического словаря русского языка (Баранов, Добровольский 2007; 2014), который можно с уверенностью признать представляющим все многообразие семантически непрозрачных единиц, со словником «Русского конструктикона» и «Прагматикона», которые строились на других принципах, других исходных корпусах и ориентированы на другую аудиторию.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2014. – 310 с.

Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский Конструктикон: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 19(26). М.: Изд-во РГГУ, 2020. С. 241-255.

Fillmore, Ch. J.; Kay, P., O'Connor, M. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*, Vol. 64, No. 3 (Sep., 1988), 501–538.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАНУАЛЬНЫХ ЖЕСТОВ И РЕЧЕВЫХ СБОЕВ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

¹К. В. Смирнова, ¹Д. В. Димитров, ²Н. А. Коротаев, ¹О. В. Федорова

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

²Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)

*kategold1@gmail.com, den.dimitrov@gmail.com,
n_korotaev@hotmail.com, olga.fedorova@msu.ru*

Взаимодействие речи и жестикуляции обнаруживается как при порождении, так и при восприятии дискурса. Согласно высказанной в (Kendon 2004) гипотезе, одно из проявлений такого взаимодействия заключается в том, что наличие т.н. прагматических жестов облегчает восприятие речевых фрагментов, содержащих заполненные паузы. В настоящем докладе мы представляем результаты поведенческого эксперимента, направленного на проверку этого утверждения. Мы предъявляли испытуемым видеофрагменты из мультимодального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (<http://multidiscourse.ru>; Кибрик 2018), содержащие речевые сбои, как сопровождаемые, так и не сопровождаемые прагматическими жестами. Первичный корпусный анализ выявил тенденцию к объединению речевых сбоев и мануальных жестов в кластеры и прочие последовательности (Смирнова и др. 2020). В связи с этим в стимульный набор вошли не только «чистые» изолированные случаи, но и объединения — как заполненных пауз в составе кластеров с другими типами сбоев, так и жестов, входящих в различные жестовые цепочки. Общая длительность фрагментов составила 27 минут, они содержали 164 ключевых события. Ключевое событие состояло из комбинации типов двух переменных – речевого сбоя и мануального жеста.

Для каждого речевого сбоя на основании формального критерия наибольшего пересечения и дальнейшей перцептивной проверки

экспертами определялось, сопутствует ли ему мануальный жест, и если да – то какой именно. На основании работ (Smirnova et al 2020; Korotaev et al. 2020) были определены 4 типа речевых сбоев (изолированные заполненные паузы; квазикластеры с заполненными и абсолютными паузами; кластеры с заполненными паузами и другими типами сбоев; изолированные речевые сбои, не являющиеся заполненными паузами) и 3 типа сопровождающей жестикуляции (прагматические жесты; жесты иной природы; отсутствие жестов). Результирующие 12 типов ключевых событий стали основным объектом оценки в эксперименте. В то же время при статистической проверке значимости переменных анализировалась и более дробная разметка жестов, учитывающая различия между типами непрагматических жестов и между одиночными жестами и жестовыми цепочками.

Эксперимент длительностью 30 минут был проведен дистанционно через Интернет с использованием видеосвязи в программе Zoom. В нем приняли участие 18 взрослых человек, знакомых с содержанием «Фильма о грушах» и некоторых стимульных роликов по иному эксперименту. В инструкции было дано две задачи: 1) отмечать поднятием руки во время просмотра видеоролика любую трудность, испытываемую говорящим на экране (экспериментальное задание); 2) находить содержательные неточности в пересказе говорящего по сравнению с тем, как испытуемый помнит «Фильм о грушах», и кратко озвучивать самую серьезную из них по завершении каждого ролика (отвлекающее задание).

Для проведения анализа данные были обработаны и представлены в виде таблицы с разметкой. Если ключевое событие было отмечено испытуемым как коммуникационная трудность, ему присваивалось значение «1» («успех»); если оно не было замечено – значение «0» («неуспех»). Так были получены 18 бинарных рядов данных (один испытуемый – один ряд) со 164 значениями в каждом. Далее осуществлялся их статистический анализ на языке программирования Python 3.7.

1. С помощью специальной Z-статистики была протестирована гипотеза H_0 о том, что $p_1 = p_2$, против гипотезы H_1 о том, что $p_1 \neq p_2$, где p_1 – вероятность «успеха» у первой выборки, p_2 – вероятность «успеха» у второй выборки. Всего было проведено 66 попарных тестов распределений отклика испытуемых по каждому типу ключевого события в сравнении друг с другом и 12 тестов в сравнении с общим распределением отклика.

2. Была проанализирована значимость признаков (переменных) речевого сбоя и мануального жеста при помощи статистики Information Value для выявления предсказательной силы признака. Анализировалось как три типа жестикюляции, так и более дробная разметка (23 типа). Дополнительно значимость данных признаков была проверена методом регрессионного анализа (логистической регрессии).

Было показано, что изолированная заполненная пауза не отличается значимо от общего распределения отклика испытуемых на ключевые события. Все кластеры с заполненной паузой и практически все квазикластеры значимо отличаются от общего распределения отклика. Возможно, заполненная пауза больше воспринимается испытуемыми как затруднение в сочетании с другими типами сбоев. Прослеживается тенденция к тому, что кластеры с заполненной паузой замечаются вероятнее других типов в сравнении с общим распределением отклика, а другие типы изолированных сбоев – меньше всего.

Заполненная пауза вместе с прагматическим жестом не отличается значимо от заполненной паузы без жестов или в сочетании с другими типами жестов – вопреки исходной гипотезе. При этом речевые сбои являются умеренно значимым признаком, вносящим вклад в реакцию испытуемого и влияющим на «успех-неуспех». Соответственно, он имеет определенную предсказательную силу для данного отклика. Признак мануальных жестов является незначимым и не может быть использован как предиктор.

Таким образом, исходная гипотеза об упрощающей функции прагматических жестов при восприятии заполненных пауз хезитации

не подтвердилась. Была выявлена незначимость жестовой переменной и значимость переменной речевых сбоев во вкладе в реакцию испытуемых на коммуникационные затруднения говорящего.

Литература

Кибрик А. А. (2018). Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал 39(2). С. 79–90.

Смирнова К. В., Коротаев Н. А., Подлесская В. И., Федорова О. В. (2020). Речевые сбои и жестикуляция: отбор стимульного материала для психолингвистического и нейрофизиологического исследований // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2020 г. Материалы конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. С. 35–38.

Kendon A. (2004). *Gesture: Visible action as utterance.* Cambridge University Press.

Korotaev N. A., Podlesskaya V. I., Smirnova K. V., Fedorova O. V. (2020). Disfluencies in Russian spoken monologue: A distributional analysis // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2020» Москва, 17 июня — 20 июня 2020 г. Вып. 19(26). М.: РГГУ. С. 439–451.

Smirnova K. V., Korotaev N. A., Panikratova Y. R., Lebedeva I. S., Pechenkova E. V., Fedorova O. V. (2020). Using the RUPLEX multichannel corpus in a pilot fMRI study on speech disfluencies // Proceedings of The 12th Language Resources and Evaluation Conference (LREC). — European Language Resources Association Marseille, France, 2020. P. 195–203.

* Исследование выполнено при частичной поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ВНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ*

О. В. Федорова

*МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
olga.fedorova@msu.ru*

На первых страницах главы «Грамматика взгляда» (Гришина 2017: 486 и далее) Е.А. Гришина приводит разнообразные примеры взаимодействия взглядов собеседников во время диалогического общения; большая часть описываемых исследований была проведена при помощи современной методологии айтрекинга – регистрации движений глаз человека во время той или иной когнитивной деятельности. Все упомянутые исследования, однако, были экспериментальными, то есть проведенными в специально создаваемых условиях. Парадоксальным образом оказывается, что о распределении зрительного внимания людей в повседневном общении нам известно гораздо меньше. Данный обзор представляет собой попытку систематизации подобных знаний.

Последние несколько десятилетий в мире наблюдается бурный рост исследований с использованием методологии регистрации движений глаз, однако современная история изучения движений глаз началась еще в XIX в. В 1879 г. Жавал заметил, что движение глаз при чтении происходит не плавно, а, наоборот, человек читает благодаря чередованию быстрых перемещений (так называемых саккад) и коротких остановок (фиксаций). В 1920-х гг. был создан первый бесконтактный аппарат для регистрации движений глаз при чтении (Buswell 1935). В 1960-х гг. широкую известность получили работы отечественного биофизика Ярбуса (Ярбус 1965), который описал феномен избирательного рассматривания: при рассматривании картин большинство движений глаз направлены на наиболее информативные участки картины, то есть запись движений глаз можно назвать грубым зеркальным отражением этой картины. В 1980 г. Джаст и Карпентер выдвинули основополагающую гипотезу о связи взгляда с разумом,

согласно которой человек обрабатывает ту информацию, на которой в данный момент фиксируется его взгляд (Just, Carpenter 1980). Наконец, в начале 1990-х гг. к традиционным методам добавилась возможность регистрации движений глаз испытуемых, движения головы которых практически не ограничены.

Ниже мы кратко рассмотрим несколько примеров работ XXI века, в которых было описано распределение зрительного внимания людей в повседневном общении.

В серии работ Ланд с коллегами (Land et al. 1999; Land, Hayhoe 2001; Land 2009) исследовали движения глаз людей во время приготовления чая с сэндвичами. Оказалось, что люди обычно заново собирают необходимую информацию, а не достают ее из долговременной памяти. Кроме того, обычно человек направляет взгляд на целевой объект примерно за 1 с до того, как к этому объекту начинает двигаться его рука. Наконец, фиксации 'look ahead', характерные для лабораторных исследований, во время которых испытуемый собирает глазами информацию, чтобы использовать ее в будущем, для повседневного общения оказались не типичны.

В работах (Hollands, Marple-Horvat 2001; Patla, Vickers 2003; Foulsham et al. 2011) авторы проанализировали движения глаз людей по время прогулки. Они заметили, что человек по-разному смотрит на окружающие его объекты во время реальной прогулки и во время просмотра видеозаписи той же прогулки на экране компьютера; в частности, во время реальной прогулки люди заметно чаще смотрят на дорогу перед собой. Более того, человек смотрит на дорогу перед собой не случайным образом, а будто опережая свои движения примерно на два шага или 1 с.

В работе (Foulsham 2015) приводятся несколько новых примеров социального взаимодействия между людьми в нелабораторных условиях, которые оказываются отличными от общеизвестных данных, полученных в лабораторных условиях. Например, если в лабораторных условиях испытуемый автоматически следит за взглядом другого испытуемого, то в естественных условиях это оказывается зависимым

от разных социокультурных обстоятельств. В частности, оказывается, что человек чаще следит за направлением взгляда впереди идущего человека (ориентируясь по движениям его головы), чем того, кто идет рядом с ним или навстречу ему (Gallup et al. 2012).

Отдельного упоминания заслуживает проект, развивающий идеи Ярбуса об избирательном внимании (1965) в современных условиях, который осуществлялся в музее ван Гога в Амстердаме (www.vupsy.nl/van-gogh-museum-eye-tracking-project/). На первом этапе испытуемые, на которых были надеты очки-айтрекеры, рассматривали пять картин ван Гога, по 30 с на каждую картину. После этого экскурсовод рассказывал некоторые общие сведения об этих картинах и испытуемые рассматривали их еще раз. Авторы проанализировали различия между первым и вторым просмотрами, подробнее см. (Walker et al. 2017).

Литература

Гришина Е.А. (2017). Русская жестикация с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: ЯСК.

Ярбус А.Л. (1965). Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука.

Buswell G.T. (1935). How people look at pictures. Chicago.

Foulsham T. (2015). Eye movements and their functions in everyday tasks // Eye. Vol. 29(2). P. 196–199.

Foulsham T., Walker E., Kingstone A. (2011). The where, what and when of gaze allocation in the lab and the natural environment // Vision Research. Vol. 51. P. 1920–1931.

Gallup A.C., Chong A., Couzin I.D. (2012). The directional flow of visual information transfer between pedestrians // Biological Letters. Vol. 8. P. 520–522.

Hollands M.A., Marple-Horvat D.E. (2001). Coordination of eye and leg movements during visually guided stepping // Journal of Motor Behavior. Vol. 33. P. 205–216.

Just M.A., Carpenter P.A. (1980). A theory of reading: From eye fixations to comprehension // *Psychological Review* 87. P. 329–354.

Land M. (2009). Vision, eye movements, and natural behavior // *Visual Neuroscience*. Vol. 26. P. 51–62.

Land M., Hayhoe M. (2001). In what ways do eye movements contribute to everyday activities? // *Vision Research*. Vol. 41. P. 3559–3565.

Land M., Mennie N., Rusted J. 1999. The roles of vision and eye movements in the control of activities of daily living // *Perception*. Vol. 28. P. 1311–1328.

Patla A.E., Vickers J.N. (2003). How far ahead do we look when required to step on specific locations in the travel path during locomotion? // *Experimental Brain Research*. Vol. 148. P. 133–138.

Walker F., Bucker B., Anderson N.C., Schreij D., Theeuwes J. (2017). Looking at paintings in the Vincent Van Gogh Museum: Eye movement patterns of children and adults. *PLOS ONE*, 12(6).

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

«Слово и жест»

**Научная конференция,
посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)**

Материалы конференции

Подписано в печать 01.02.2021 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Отпечатано в типографии ОнлайнПринт
117218, Москва, ул. Введенского, 8